

ло авторский коллектив настоящего издания попытаться пересмотреть уже существующие в отечественной литературе представления или дополнить имевшиеся до сих пор сведения.

Наиболее удобной формой книги нам представился сборник статей, поскольку он допускает достаточную фрагментарность изложения при сохранении сквозной нити исследования. Так что появляется возможность оставить, так сказать, «за кадром» большую часть подробностей не очень значимого порядка и в то же время выдержать единую науковедческую позицию в разных авторских выступлениях, что позволяет решить достаточно сложную и противоречивую, как уже было указано, общую задачу исследования. Кроме того, будучи по существу единомышленниками, авторы отдельных статей могли сохранить оригинальность собственного творческого стиля, недопустимого в монографии. Правда, в конечном счете, сборник все же носит, если так можно выразиться, монографический характер, но это определение касается не столько его формы, сколько его содержательных установок.

Единый авторский замысел настоящего издания состоит в том, чтобы представить историю смены парадигмы в методологии социального познания в целом. Перемены начались во второй половине XIX века с разработок Баденской школы неокантианства, а затем В.Дильтея и продолжают до настоящего момента. Как раз в этот период в гуманитарных и близких к ним науках зарождаются рефлексивные устремления, становящиеся все более отчетливыми в трудах самих теоретиков познавательного процесса и все более очевидными для содержания теории познания как таковой. Именно дальнейшая проработка и все более глубокое осмысление указанных моментов сделало в конце концов возможным современный взгляд на природу социального знания самого по себе.

Более того, постановка и обсуждение саморефлексии как центральной проблемы методологии социального познания в течение всего XX века заставили теоретиков-гносеологов посмотреть другими глазами, в свою очередь, и на основные источники и характеристики естествознания. При этом удалось, во-первых, выявить прямую или косвенную связь развития этих отраслей с историей общественной жизни людей, а во-вторых, понять, что в конечном итоге особенности субъекта естественнонаучного знания так же существенно важны для формирования его методологии, а следовательно, и для фактического содержания его деятельности, как и в социально-гуманитарных дисциплинах. Тем самым была подготовлена и обеспечена революционная смена познавательно-ме-

тодологической парадигмы от классического типа рациональности к неклассическому (или в других терминах, от натуралистической позиции к культурцентристской) и далее — к постнеклассическому.

Идея смены познавательных парадигм, связываемых с тем или иным типом рациональности, является стержневой для методологического выбора авторского коллектива представляемой книги при анализе конкретной истории методологии социального познания. В ходе исследования мы опирались на методологические обобщения, высказанные академиком РАН В.С.Степиным в его программной статье «Научное познание и ценности техногенной цивилизации»: «Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности к средствам и операциям деятельности, экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Наконец, постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность этих знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности... Когда современная наука на переднем крае своего поиска поставила в центр исследования уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек, то требование экспликации ценности в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки»¹.

В настоящем сборнике не только демонстрируется переход от одного типа рациональности к другому, но и выявляются конкретные причины именно такого, а не иного парадигмального сдвига в развитии методологии социального познания, связанные и с внутренними особенностями характера знания о человеке и обществе, и с конкретными историческими обстоятельствами существования человека и общества в описываемый период времени. При этом выясняется и персональный вклад ученых в развитие содержания методологической стороны общественных и гуманитарных наук, а также производится теоретическая реконструкция эволюции отдельных отраслей общественнознания путем выделения

¹ *Степин В.С.* Научное знание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989, №10. С. 18.

исторически значимых этапов развития той или иной частной науки, тех или иных исследовательских программ и показа их смеяемости и одновременно исторической преемственности.

С этой точки зрения история методологии социального познания включает в себя общие познавательные принципы гуманитарно-обществоведческого мышления в их постоянной смене и обогащении, в расширении проблемных пространств знания; в углублении и уточнении его способов и средств; наконец, в периодическом перетолковании смысла и задач, а также в переакцентировке значимости отдельных сторон познавательного процесса вплоть до перехода на контрастную исследовательскую позицию. Выявить объективные закономерности подобных изменений, их внутреннюю, органическую связь на каждом этапе развития социальной картины мира в целом; осознать и представить в качестве иллюстративного материала зависимость достижений частных общественных наук от этой глобальной (хотя и не исключающей некой плюральности) картины мира; а также показать взаимообусловленность и параллелизм подвижек в истории методологии социального познания и более или менее серьезных изменений, превращений историко-социального контекста научно-исследовательской практики как реальной основы процесса содержательной и методологической эволюции науки – вот задачи представленного коллективного труда.

Но они не могут быть решены без специального содержательного рассмотрения самого действительного процесса познания в его реальных, конкретных свершениях, а значит, необходимо остановиться на некоторых показательных вехах этого пути, знаменующих собой, в первую очередь, некие качественные преобразования методологии, глобальные «сдвиги» в теоретических представлениях, связанные прежде всего с развитием философского мировоззрения как определяющего фактора в становлении теоретико-методологической платформы, который опосредует собой связь избранного тем или иным ученым метода его деятельности с наличными социально-историческими условиями познавательного процесса.

Само собой разумеется, что предпочтение в данном коллективном труде той или иной области гуманитарного знания в ходе осуществления исследовательского проекта также диктуется не волей случая, а выразительностью происходящих в ней познавательных «событий». То же можно сказать и об избранных здесь фигурах теоретиков и методологов, оцениваемых в данном случае в соответствии со своеобразием и фундаментальностью их вкладов в эволюцию методолого-познавательных достижений. В свя-

зи с этим авторскому коллективу представляются приоритетными такие отрасли общественнознания, как экономическая наука, социальная философия, социология, литературоведение, психология и, конечно, история. А среди индивидуальных вкладов в методологию социального познания в течение последних приблизительно полутора сотен лет наиболее презентативными (или наиболее интересными вследствие отсутствия в отечественной литературе советского времени подробных исследований) вырисовываются такие философы, методологи социально-гуманитарного знания, как Г.Риккерт и В.Виндельбанд, В.Дильтей и Г.Зиммель, Ф.Ницше, М.Вебер и М.Шелер, а из более поздних – Х.Ортега и Гассет, А.Шютц и Ю.Хабермас.

Ретроспективная оценка методологических открытий К.Маркса не входила специальной задачей в содержание данного исследовательского проекта. Однако многие из них привлекаются в работе авторского коллектива не только в качестве иллюстративного материала в порядке сравнительного анализа разных временных параллелей, но и выступают достаточно часто собственными методологическими установками исследовательской работы. При этом авторы не стремились слепо следовать укоренившимся за годы торжества идеологического подхода к наукам (в особенности к гуманитарным и социальным дисциплинам) в нашей стране методологическим догмам, но и не отказывались от применения марксистского наследия там, где оно представлялось им актуальным на сегодняшний день.

В заключение следует подчеркнуть, что в ходе анализа той или иной системы взглядов как целой научной школы, так и отдельных гносеологов описанию и всестороннему рассмотрению подлежали не только и, может быть, даже не столько «теории», сколько «идеи» – в их преэмственности. Речь здесь идет о неких системообразующих принципах построения методологии. И параллельно исследуется научная практика в области методологии социального познания как «фокус» пересечения требований времени (так сказать, реализация задач определенного горизонта культуры) и побеждающих в этих обстоятельствах теоретико-познавательных идей (методов). В частности, особое место в настоящем исследовании занимают такие конкретные эпистемологические вопросы, как проблема факта в историческом исследовании, проблема ценности в историографии и социологии, проблема интересубъективной активности в качестве базисной идеи социальной философии современности, проблема традиционной преэмственности в литературном творчестве и т.д.

Что касается материалов исследовательской работы, то ими послужили не только литературные источники разного рода, в том числе отечественные и зарубежные, но и сведения, полученные в результате тесных личных контактов с историками, социологами и другими представителями социально-гуманитарных дисциплин в ходе дискуссий и семинаров, посвященных особо острым методологическим проблемам современного социального познания, проведенных различными научными учреждениями, в том числе и по инициативе авторского коллектива настоящего труда.

В.Б.Власова

ЧАСТЬ I
ПАНОРАМА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В РАЗЛИЧНЫХ
ОТРАСЛЯХ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

В.Б.Власова

Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов

На заре человеческой истории мир представлялся людям живым, пульсирующим космосом, в котором повседневная жизнь человека и окружающая его природа, чередование времен года и смена поколений были неразличимы. Человеческое «я» по своему содержанию и значению фактически совпадало с «ты», то есть с одушевленным его фантазией и согретым его чувствами бытием вокруг — так оно задано сегодня лишь в сознании годовалого ребенка. И в этом мироощущении не было места прошлому и будущему: время стояло, покоилось, оно спало и видело сны, уподобившись мандельштамовской Афродите, которая еще не родилась.

Она и музыка, и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Это было мифологическое «dream-time», постепенное отчуждение и осмысление которого только через века и тысячелетия породило первоначальные стимулы к возникновению собственно исторического сознания.

Первые европейские хроники, связанные с именами Афиней и Гекатея Милетского, появились в Древней Греции в VI в. до н.э. По существу это были родословия основателей городов, описания достопримечательностей отдельных областей и обычаев народов, почерпнутые исключительно из старинных преданий и мифов, но обязательно так или иначе поверяемые «историей»¹: там, где «факты» не выдерживали критики разума, для них подыскивалось более рациональное, а значит, и более вероятное тол-

кование. Так что содержание «тестирования», очевидно, главным образом сводилось к *выбору* тех сведений, которые можно было проверить собственными глазами или допустить как весьма вероятные.

Последним словом такого отношения к прошлому стал возникший в V в. до н.э. новый литературный жанр, резко отличавшийся и от ранних этнографических хроник, и от героического эпоса, поскольку он не просто описывал события, а рассматривал судьбы народов и одновременно освобождал историю от мифов. Это были исторические повествования Геродота и Фукидида, обогащенные опытом софистической премудрости, которая гордилась тем, что может с равным успехом доказывать прямо противоположные утверждения. Подобная «наука» была необходима нарождающемуся историческому сознанию, так как она освобождала мышление человечества от слепого доверия к установившимся мнениям. Исторические «факты» сознательно вовлекаются теперь в стихию спора, основанного, правда, в отличие от софистических приемов на чисто рационалистическом фундаменте.

Так, в трудах Геродота вырастает новая картина эллинской ойкумены, близкая все еще эпосу по своим формальным характеристикам, но предложившая читателю новое видение мира, современное ее автору по своим исходным содержательным позициям. А именно, фокусом толкования сообщаемых данных о прошлом становится для него настоящее, непосредственно переживаемое время. Отсюда и главная задача Геродота — понять и объяснить в ретроспективе судьбы народов, втянутых в греко-персидские войны. Средством для ее решения пока остается мифологический взгляд на самую судьбу как осуществление предсказания оракулов, вещих снов и т.д. Но эти последние даются уже не в хаотическом соприкосновении друг с другом, а в подчинении некоему таинственному миропорядку, где все заранее предопределено так, что уклониться от него невозможно. При этом в рассказах Геродота отчетливо проступает связь содержания так понятого предопределения с известными географическими факторами, а главное — с этическим смыслом человеческого существования: эллины победили персов потому, что они храбры, а храбрость их вытекает из их свободы, ограниченной только подчинением закону.

Еще большее внимание к конкретному факту реальной человеческой истории демонстрирует Фукидид. Для него предопределение, если и сохраняется, то лишь как итог столкновения интересов отдельных групп людей с их чисто утилитарными устрем-

лениями. В связи с этим Фукидид пересматривает представление о далеких, легендарных временах мифологического сознания и интерпретирует их как процесс постепенного обогащения и роста морского могущества греков, вызвавший к жизни благоприятные изменения политического характера, которые повлекли за собой некоторые военные следствия. Так судьбы людей находят в «Истории» Фукидида чисто человеческое объяснение. В отличие от своего предшественника, который преимущественно отвечал на вопрос, почему произошли описываемые им события, он спрашивает себя, чем определился выбор, приведший к тем или иным поступкам, а значит, и событиям.

Окончательным завершением описанной выше традиции исторического сознания в древнем мире является творчество Ксенофонта, пришедшееся на самый конец V — начало IV в. до н.э. В центре его повествований оказывается прежде всего будничная, повседневная жизнь его героев, поступки и судьбы которых объясняются всей линией развития их личного характера — от рождения и воспитания до обстоятельств конкретных свершений («Киропедия», «Анабасис» и др.). Здесь мы уже наблюдаем полный отказ от мифологических сюжетов в пользу рассказов о реальной истории людей при сохранении, однако, поэтических художественных приемов, свойственных мифологии как таковой.

Что происходит при этом с событийной тканью и смысловым значением исторического «факта»? Какая «исследовательская парадигма» скрывается за упомянутыми только что приключениями античного духа? Речь, безусловно, не идет о парадигме и фактах в буквальном, то есть современном эпистемологическом значении этих понятий, потому что в представленном в данном случае историческом мышлении древних греков еще не выкристаллизовалась теория, очищенная от фактологии. И, тем не менее, практически парадигма присутствует, поскольку здесь уже налицо вполне определенная, может быть, достаточно наивная, но четко прослеживаемая концепция исторического видения, которая претерпевает последовательные превращения, однозначно сказывающиеся и на выборе фактов, и на их логической соотнесенности, и на их конкретном толковании и объяснении.

Вот как в самом общем и приближительном виде можно было бы сформулировать эту парадигмальную ситуацию. Факт — это безусловная реальность. И историческая «правда» факта есть прежде всего достоверность самого его существования, которая либо гарантируется непосредственностью взгляда очевидца, со-

общающего о ней, либо основана на рациональной критике мнения, почерпнутого не из первых рук. Задача историка — угадать эту правду независимо от ее содержательной стороны, сделать ее самоочевидной для всех, то есть найти такое из всех возможных суждений о событии, которое восходит к его простейшему и несомненному варианту, связанному с реальной жизнью, а потому не может быть оспорено в пределах разумных допущений. Только такое суждение может быть отождествлено с реальным телом факта, что и удостоверяется историком, прекрасно различающим само событие и суждение о нем. Стало быть, факт античной историографии есть, собственно говоря, *подлинная данность прошлого*, и дело историка заключается лишь в том, чтобы «передать»² его современникам.

В этих последних словах заключено уже зерно дальнейшего развития парадигмы. В ее рамках совершалось историческое познание в последующую культурную эпоху, которую коротко можно охарактеризовать как господство христианской теодицеи. Пока в представлении людей время движется по кругу, как нас убеждает в этом Екклесиаст, пока в человеческой, а значит, и в общественной жизни все определяется практически одними и теми же законами, данными свыше единым мировым Богом, передача фактов от одних поколений к другим — всего лишь функция добросовестности и благочестия повествователя. Именно на этом базисе строится вся средневековая европейская историография, которая в буквальном смысле слова оказывается «летописью», то есть фактически исходит из представления, что рукой ее авторов водит само время, то есть прошлое, как оно было задано Творцом в его божественном предопределении.

Правда, то обстоятельство, что время все-таки не стоит на месте, а движется (причем это возвратное, циклическое движение), поднимает значение исторического рассказа на уровень урока для будущих поколений. И хотя этот урок, как правило, целиком заключен в границах религиозной догматики, все же сама постановка проблемы воспитательного, нравоучительного характера исторического знания свидетельствует о совершенно новом ракурсе осмысления историописания как специфической формы общественного сознания, достаточно далеко продвинувшегося от своих мифологических первооснов. Но суть понимания исторического факта как *источника* исторических сведений, их незыблемой реальной базы остается прежней. И так продолжается не только на протяжении всей линии развития христианской «уче-

ности», начиная с Августина Блаженного и кончая Фомой Аквинатом. Отношение к природе исторического факта как *атомарного, неразложимого в своей формальной структуре знания* остается преобладающим как в эпоху Возрождения, так и в течение всего Нового времени. Вплоть до конца XIX — начала XX веков на знамени освободившейся от христианских догм европейской исторической науки было начертано: «*wie es eigentlich gewesen ist*», то есть «как это было на самом деле». Именно так сформулировал суть и смысл исторического знания Леопольд Ранке, вместе с которым позитивистская школа исторической фактологии пришла к своему апофеозу.

И у нее для этого было достаточно оснований. В самом деле. Со времен древнегреческих хроник и бытописаний человечество открыло и освоило множество специальных научных средств высвободить «чистое» тело факта из шелухи мнений, в том числе и таких способов, которые позволяли подвергнуть рациональной критике даже самый главный критерий исторической истины античности — свидетельство очевидца. «Мифологичность» последнего к нашему времени уже была достаточно установлена, поскольку социально-гносеологическая структура всякого свидетельства (а тем более свидетельства из далекого прошлого) оказалась, мягко говоря, несколько сложнее, чем это представлялось древним грекам. Возникла и расцвела пышным цветом целая череда вспомогательных исторических наук, способствующих добытию исторической истины. Среди них настоящим королем можно считать критическое источниковедение, плоды которого не замедлили сказаться: точные методы исследования, основанные на последних данных развития естественных наук и технических изобретениях, сочетались здесь со всем богатством современного логического инструментария и со всей мудростью диалектики, которая столь же далеко отстояла от древней софистики, сколь далеко сегодняшнее знание о мире от мифологии древних народов. Эти обстоятельства позволили исторической науке не только называть себя таковой, но и действительно вполне прочно обосноваться на фундаменте объективных данных.

Двадцатое столетие принесло с собой невиданные и немислимые доселе исторические потрясения и испытания. Именно оно доказало окончательно принципиальную проблематичность позитивистской методологической установки. В результате последовавших одна за другой (с небольшим промежутком) двух мировых войн «потерянными» оказались целые поколения людей, а